

УДК [303.446:32:821(09)](47+44)

ФРАНЦУЗСКИЕ ЛЕВЫЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ: МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ КОНТАКТЫ В 1920-Х–СЕРЕДИНЕ 1930-Х ГГ.¹

Т. В. Краева

Институт гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета, 620002, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
kraevativ@yandex.ru

Рассматриваются взаимоотношения французских левых интеллектуалов и власти в Советском Союзе в 1920 – середине 1930-х гг. Дается определение понятия «левый интеллектуал» и его существенных характеристик. Левые интеллектуалы Запада играли важную роль в создании благоприятного образа СССР на Западе. Политика советского руководства в отношении французских левых предполагала целую систему механизмов воздействия на их представления и политическую позицию. Несмотря на все усилия советского руководства, французским левым интеллектуалам удавалось увидеть не только достижения, но и недостатки нового советского государства.

Ключевые слова: русско-французские культурные связи, система представлений, французские левые интеллектуалы, СССР 1920–1930-х гг., сюрреалисты, А. Жид, А. Барбюс.

В 1920–1930-е гг. коммунистическая идея захватила значительное число интеллектуалов в мире, в том числе во Франции. Анализ взаимоотношений интеллектуалов и власти на примере французских левых и Москвы, как коммунистического центра, позволяет осмыслить такой важный аспект, как столкновение духовной свободы с приверженностью политической морали и левым ценностям в их советском понимании.

Становление «левого интеллектуала» – характерный феномен, определивший специфику французской культуры и политической жизни в XX в. Принадлежность к левым определяет особая система ценностей. По мнению А.А. Галкина, ядро левой системы ценностей составляют «ориентация на свободу...на юридическое и политическое равноправие индивидов, социальных, этнических, половозрастных и иных групп – вне их зависимости от их удельного веса в обществе, на социальную справедливость...на рациональную организацию общественных отношений, делающую возможным осуществление всех этих ориентаций и, в конечном счете, обеспечивающую свободное развитие каждого, как условие свободного развития всех» [Левые в Европе..., с. 18]. Монархист Ш. Моррас в работе «Будущее интеллигенции» (1905) отмечал, что интеллигенция решительно отклонилась влево со второй половины XIX в. Рассуждая об утопизме совершающегося мировоззренческого сдвига, он подчеркивал, что постепенно литераторы в мыслях отрывались от существующего миропорядка и «единственной связью их мысли и мира оказывался бунт против тех сил, которые поддерживали существующий мир» [Моррас, 2003, с. 34].

Становление «левого интеллектуала» принято связывать с реакцией на политические и культурные события XX в. Между тем С. Зенкин усматривает историческую преемственность между «проклятыми поэтами» XIX в. и левыми интеллектуалами XX в., считая, что их объединяет стремление быть Иными в существующей общественно-политической системе: «Современная французская культура создала две такие эпохальные фигуры Иного, исторически наследовавшие одна другой и получившие названия "проклятый поэт" и "левый интеллектуал"» [Зенкин, 2000, с. 123]. Специфической чертой левого интеллектуала является двойственная позиция по отношению к господствующей системе: ее признание-непризнание. «Левый интеллектуал», позиционируя себя как Иного для данного порядка, между тем постоянно включается в активное взаимодействие с ним. С. Зенкин полагал, что левые интеллектуалы «не просто маргиналы, скромно прозябающие где-то на задворках общества; обычно это, напротив, первостепенные деятели культуры, которых она одновременно отторгает (по мотивам или чисто эстетическим, или общественно-политическим) и пытается реинтегрировать...Сами они тоже двойственно относятся к господствующей культуре: чтобы отречься от нее, нужно добиться в ней совершенства, и, даже избрав себе удел Иного, они продол-

жают вести с ней сложную игру соперничества, критики, провокации, продолжают включаться в нее в качестве исключенных» [Там же]. Подобное утверждение позволяет сделать вывод об исключительной роли левых интеллектуалов в понимании культуры эпохи в целом. Реакция культуры на элементы Иного в ней – противостояние, борьба, попытки интеграции – как ничто другое проявляет ее своеобразие в исторической целостности. Левый интеллектуал, таким образом, отражает в своих устремлениях, общественно-политической позиции глубинные противоречия и конфликты эпохи. Французские левые интеллектуалы как особая группа с активной политической позицией проявили себя в связи с делом Дрейфуса. К 20–30-м гг. XX в. уже сложилась традиция борьбы левых интеллектуалов в связи с событиями первой русской революции и Первой мировой войны. Показательны в этом смысле антивоенные произведения А. Барбюса, Р. Роллана, П. Вайяна-Кутюрье, Ж. Дюамеля, Р. Лефевра, А. Гильбо и др.

В 1917 – середине 1930-х гг. общественная позиция представителей левой интеллектуальной культуры оказалась в значительной степени связана с возникновением Советского государства. Невосполнимое желание французских левых принять участие в построении небывалого мира, воплотить в жизнь свои смутные мечтания о революции просто поразительно. Многие разочаровывались в советском социальном эксперименте, но их место поклонников Советской страны занимали другие представители интеллектуальной элиты, известные и талантливые писатели и художники, философы, ученые. Французский историк Франсуа Фюре выделил в XX в. два явления, обладающие удивительной привлекательностью для интеллектуалов: коммунизм и фашизм, с их единым корнем – революционной традицией. Возникновение тоталитарных режимов в XX в. привело к неизбежной политизации интеллектуалов. Т. Голиченко определила 30–70-е гг. XX в. в истории французских интеллектуалов как эпоху «ангажированных интеллектуалов», когда «большинство французских интеллектуалов так или иначе концентрировалось вокруг левых, центристских или правых идеологий» [Голиченко, 2004, с. 47]. «Ангажированный интеллектуал», с одной стороны, отражает политические противоречия эпохи, а с другой – выступает проводником определенной идеологии.

Профессиональная жизнь интеллектуалов большую часть времени протекала вне политики, но их деятельность в качестве писателей, ученых, художников превратилась в инструмент политической борьбы [Caute, 1967, p.17.]. Лидеры французской компартии и Коминтерна делали все, чтобы завлечь в лоно коммунизма цвет интеллектуалов, считая их поддержку первостепенной.

Советская политика в отношении западных интеллектуалов не была одинаковой. В 1917 – середине 20-х гг. Советскую страну посещали, как правило, коммунисты или «попутчики», к которым относились так же, как и к советским гражданам, и методы воздействия мало чем отличались от тех, что применялись к соотечественникам. Примером тому являются оказавшиеся в СССР Поль Вайян-Кутюрье, Пьер Паскаль, Виктор Серж, Анри Гильбо.

Конец 20-х – середина 30-х гг. – период постоянного паломничества французских интеллектуалов в СССР, среди которых были крупнейшие представители западной культуры: Р. Роллан, А. Барбюс, Л. Дюртен, Ш. Вильдрак, Ж. Дюамель, А. Мальро, Ж.-Р. Блок, А. Жид, Ж. Геенно, А. Шамсон и многие другие. Со второй половины 20-х гг. XX в. советское руководство на волне антифашизма старалось создать благоприятный образ и привлечь интеллектуалов на более широкой левой основе. Появился новый аспект во взаимоотношениях с левыми интеллектуалами Франции – целенаправленное воздействие на их представления об СССР и коммунизме в целом.

Способы влияния на представления западных интеллектуалов, с одной стороны, были просты, а с другой – действенны, поскольку обеспечивали им путешествия по «воображаемой, а не реальной стране "реального социализма"» [Айелло, 1992, с. 22]. Создание иллюзии начиналось с момента прибытия в СССР. Как правило, на вокзале зарубежного писателя встречали тысячи людей, устраивались пышные приемы, банкеты, встречи. Для ознакомления с советской действительностью организовывались поездки по СССР, встречи, лекции, естественно, под контролем как партийных органов, так и НКВД. Французы были поражены приемом в СССР, так, Ромен Роллан писал: «Едва ступив на советскую землю, я попадаю под отеческую опеку Совета народных комиссаров, который меня принимает... На пограничной станции нас ждет салон-вагон с врачом – директором Кремлевской больницы – д-ром Левиным и секретарем... С первых же шагов, по пути к машине, начался обстрел фотографов, и он не кончился вплоть до моего отъезда из Москвы. Несмотря на принятые предосторожности, чтобы скрыть час моего приезда и избежать толпы, перед выходом (с вокзала) нас ждет и приветствует множество людей... Все удобства... Нас завалили слугами:

сиделка, повар из Кремля и т.д.» [цит по: Куликова, 2001, с. 8–9]. Через год другой визитер – Андре Жид – писал: «Никогда я не путешествовал в таких роскошных условиях. Специальный вагон и лучшие автомобили, лучшие номера в лучших отелях, стол самый обильный и самый изысканный. А прием! А внимание! Предупредительность! Повсюду встречают, обихаживают, кормят-поят. Удовлетворяют любые желания и сожалеют, что не в силах сделать это еще лучше» [Жид, 1990, с. 133.]. Подкупало западных писателей и то, что простые люди в СССР не просто знали их произведения, но и были их ценителями.

В качестве одного из механизмов создания благоприятного представления о советском обществе являлось составление определенной программы мероприятий для зарубежного писателя. Так, секретарь Международного объединения революционных писателей (МОРП) Аппетин поставил перед председателем комиссии иностранной связи Союза советских писателей Кольцовым в связи с приездом в СССР в 1935 г. писателя В. Маргерита задачу: «Цель его поездки обязывает и МОРП, и Союз Советских писателей, и ВОКС приложить все усилия к тому, чтобы так обставить работу с В. Маргерит, чтобы он действительно "получил вдохновение", собрал тот материал, который помог бы ему в работе» [РГАСПИ. Ф.541. Оп 1. Д.27. Л.4]. Секретариат МОРП, иностранная комиссия Союза советских писателей пристально следили за каждым шагом любого иностранного писателя, организации пребывания в СССР продумывалась до мелочей. По сведениям Г.Б.Куликовой, «политбюро, например, решало, какого уровня прием (пышный или надлежащий, но не пышный) необходимо оказать приезжающему в страну государственному или общественному деятелю» [Куликова, 2001, с. 5]. Что касается В. Маргерита, то, по определению М.Аппетина, это «трудный» писатель, поскольку ему присущи резкие повороты на его писательско-политическом пути, а потому работа с ним должна быть организована как можно тщательнее. В день приезда писателя планировалось провести совещание с целью составления детальной программы работы с ним, для чего: «1) выясняется план его новой серии романов, 2) список объектов, с которым писателю следует познакомиться или которые следует изучить, 3) перечень лиц, с которыми следует писателю беседовать, 4) маршрут его поездки, 5) документы, фото, различные сведения и материалы, которые следует собирать» [РГАСПИ. Ф. 541. Оп 1. Д. 27. Л. 4 об.]. Таким образом, западным визитерам обеспечивалась возможность увидеть лишь ту страну, которую хотело им показать советское руководство, хотя, как вспоминал А.Жид, «случалось иногда неожиданно заходить в сельские школы, в детские сады, клубы, которые не собирались показывать» [цит. по: Куликова, 2001, с. 5].

Следующий метод – создание специального окружения иностранца в период его пребывания в СССР. Неудивительно, что все встречи и поездки зарубежных гостей находились под контролем НКВД и партийных органов. Незнание русского языка делало исключительной роль переводчика, естественно, «политически подготовленного». В функции его также входило составление отчетов и заметок о контактах визитера, о том, с кем он общался и как повлияли на его впечатления об СССР эти беседы. Как показывают материалы переводчиков и сотрудников Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС), они не только сообщали о вредных воздействиях на зарубежных писателей, но и вели с ними разъяснительную работу. В случае с В. Маргеритом планировалось следующее: «После того, как В.Маргерит пробудет в Москве недели две, устроить прием в ВОКСе, на который кроме писателей и представителей издательств и печати пригласить ответственных товарищей, с которыми писателю нужно будет во время своего пребывания в Москве беседовать в связи с темой серии его романов» [РГАСПИ. Ф.541. оп 1.Д. 27. Л. 5].

Попыткой привязать зарубежных авторов к социалистическому отечеству стали издание большими тиражами и высокая оценка их литературных произведений. Один из самых ярких примеров в этом смысле – отношение к книгам Андре Жида. Произведения Жида были очень популярны в СССР в 20-е – середине 30-х гг. В 1935 г. в Москве выходит четырехтомное издание его произведений. Как писал сам Жид, «из московских газет я узнал, что в течение нескольких месяцев было продано более 400000 моих книг» [цит. по: Куликова, 2001, с. 11] (по советским данным тираж составил 164 400 экз., как отмечает Г. Б. Куликова). К приезду писателя большим тиражом была выпущена открытка с его портретом, ему был посвящен номер «Интернациональной литературы» и статья в «Известиях».

Большие усилия прилагало советское руководство к тому, чтобы сплотить зарубежных писателей на политической основе и целенаправленно воздействовать на их представления. Для большинства интеллектуалов того времени неперенным условием их существования в качестве интел-

лектуалов являлась независимость личности; разделяя те или иные политические взгляды, они позиционировали себя в первую очередь в роли свободных духом творцов. В 20–30-е гг. на Западе было весьма распространено такое явление, как «салонный большевизм» [Берберова, 1991, с. 218] или, в более широком смысле, «политические салоны», которые привлекали большое число представителей европейской левой интеллигенции. Конечно, такие формы социальности сочувствующих не могли устроить советское руководство. Поскольку среди левых писателей Запада были как представители партий левого толка, так и беспартийные «попутчики», необходимо было создание организации, объединившей писателей, с одной стороны, по профессиональному признаку, а с другой – на основе общественно-политических позиций. Попытка реализации этой идеи вылилась в создание МОРП в 1930 г.

Тяготение левых писателей Запада и руководства III Интернационала к созданию такой организации было взаимным, другое дело, что принципы ее деятельности они видели по-разному. Показательно в этом смысле письмо Анри Барбюса 1926 г. в Исполком Коминтерна, в котором он признавался, что задуманный им проект международного сотрудничества творческих людей не совпадает с желанием советского руководства объединить в международном масштабе под знаком политики писателей–коммунистов и всех сочувствующих. Организация, создание которой подготавливалось около десяти лет, в конечном счете не только не включила в свой состав наиболее стремившихся туда попасть, в частности сюрреалистов, которые больше других интересовались идеями революции, но оттолкнула своими узко политическими границами сочувствующих писателей [Балашова, 2002, с. 7–9]. Переписка А. Барбюса с руководством III Интернационала показывает, что разногласия связаны в основном со степенью политической свободы потенциальных участников организации. Барбюс предлагал привлечь крупных французских писателей, независимых от политической конъюнктуры, но поддерживающих саму идею ассоциации революционных писателей. Он замечал, что «здесь достаточно большое количество "левых" типа тех, что группируются вокруг Лиги прав человека. Но я предвижу, что большинство из них испугается откровенно коммунистических директив» [Диалог писателей..., 2002, с. 47]. Однако предложение Барбюса расширить круг участников за счет того, что будут сняты откровенно коммунистические лозунги и объединение произойдет на основе левой идеи в целом, не получило поддержки у советского руководства. Принцип свободы творчества был заменен степенью идейной «чистоты».

Процесс создания МОРП был длительным и сложным, поскольку с самого начала возникли серьезные противоречия: «Провозглашается желание привлечь к сотрудничеству как можно более широкий круг интеллигенции и одновременно до предела сужается идейная, да и эстетическая, база сотрудничества» [Балашова, 2002, с. 8]. Эти противоречия зачастую становились «источком постоянных личных неудач, драматических разочарований многих и многих писателей, которые поначалу с воодушевлением откликаются на призыв к объединению, а затем, довольно скоро (громко или тихо) отходят в сторону». [Балашова, 2002, с. 8.]. Таким образом, попытка привлечения в организацию широких писательских кругов была неудачна, зато советское руководство получило писательско-политический монолит, стоящий исключительно на коммунистических позициях и вполне поддававшийся идеологической обработке.

К этому времени советское руководство, зачастую стремясь выдержать принцип идейной чистоты в отношении зарубежных представителей левого движения, старалось избегать контакта с теми интеллектуалами, которые творчески осмысливали марксизм, действительно разделяя левые взгляды. Парадоксальным образом делался выбор скорее в пользу привлечения писателей–антифашистов, чем истинно левых.

В середине 20-х – середине 30-х гг. XX в. суждения французских левых интеллектуалов об СССР сочетали в себе восхищение хозяйственными, материальными успехами Советской страны с благожелательной критикой, связанной с ограничением духовной свободы и независимости мышления.

Среди достижений, отмечаемых французскими левыми интеллектуалами, значительное место занимают усилия СССР по модернизации экономики. Сталинская индустриализация – пример поразительных гигантских успехов в области материального производства. Это отражено в поэме Луи Арагона «Красный Фронт» (1930).

Другая особенность – ощущение молодости, энтузиазма и героического, в первую очередь трудового, пафоса новых людей в СССР. Атрибутом сочинений французских путешественников

стало описание демонстраций, физкультурных парадов, шествий пионеров.

Что же касается благожелательной критики, то она неизменно связана с представлениями о свободе и насилии в революции, образующими стержень мировоззрения европейских левых.

Однако созданный образ революции, неотделимый от понятия свободы, причем все более широкой в социалистическом обществе, корректируется по мере знакомства с реальной действительностью. Главный вопрос, который ставят французские левые интеллектуалы, состоит в том, почему, когда позиции советского строя столь очевидно прочны, ограничения свободы, объяснявшиеся прежде теорией внешних и внутренних опасностей для революции, не только сохраняются, но и усиливаются. Как представителей среды, в первую очередь творческой, французских интеллектуалов раздражало усиление цензуры в советском обществе. Тему свободы творчества в СССР поднимают книга Жоржа Дюамеля «Путешествие в Москву» (1927), «Возвращение из СССР» Андре Жида, «Другая Европа. Москва и ее вера» Люка Дюртена (1928), в которой он пишет: «Конечно, борьба диктовала свои законы десять лет назад. Но разве теперь советская власть не установилась в России так прочно и глубоко, что любое правительство на всех пяти континентах может только ей позавидовать? По правде говоря, такому крепкому торсу пошло бы милосердное лицо» [Диалог писателей, 2002, с. 190].

Писатель Жюль Ромен также задается вопросом: «Можно ли надеяться на успех дела коммунизма, если зрителям подобного спора показывают весьма красноречиво: присоединиться к коммунизму – значит залезть в мешок, не имея возможности пошевелить ни рукой, ни ногой?» [Диалог писателей, 2002, с. 299]. Подобные высказывания свидетельствуют о неприемлемости строго ограниченного пути для французских левых, которые в качестве показателя успешной реализации революции выделяют такую категорию, как свободное творчество.

Позиция благожелательной критики состоит в том, что, критикуя отдельные стороны советского режима, в принципе французские левые придают величайшее значение самому факту успешного свершения революции. В связи с этим, как и прежде, возникают различные объяснения деформации в реальности завоеваний Октября. Особый интерес представляет теория, которая объясняет доминанту насилия и ограничения свободы историческим прошлым России. Наиболее последовательно проблема старой и революционной России нашла отражение в работах Жана Геенно, Люка Дюртена и Жоржа Дюамеля. Если рассматривать их идеи в совокупности, то можно выделить в качестве общих следующие: 1) идея преемственности старой и новой России (в отличие от периода 1917 – середины 20-х гг., когда новая Россия рассматривалась как освобождение от оков прошлого, ее полная противоположность); 2) объяснение применения насилия и преследования свободы суждений в СССР долгой историей террора в старой России; 3) преодоление недостатков советского общества через осознание исторической сущности России.

Таким образом, несмотря на попытки создания идеального образа СССР, французским левым интеллектуалам удалось уловить отдельные деформации сталинского режима, даже путешествуя по «воображаемой стране». Между тем критика советских порядков не выходила за рамки благожелательности. Французские левые, несмотря на душевные метания и сомнения, все-таки не высказывали публичного осуждения, поскольку за опытом социалистического строительства им виделось величайшее будущее.

Возникает вопрос о том, смогли ли французские левые интеллектуалы, оказавшиеся в рядах коммунистов и вынужденные подчиняться партийной дисциплине и контролю, сохранить и проявить свободу духа и критическое мышление. На наш взгляд, среди французских левых интеллектуалов преобладали личности, которые смогли сохранить творческую и политическую свободу даже в условиях жесткой партийной дисциплины и целенаправленной политики, проводимой советским руководством.

Следует привести три достаточно типичных случая в качестве примера: политическое поведение Анри Барбюса, сюрреалистов, группы «попутчиков» (В.Серж, П.Паскаль, А.Гильбо и др.).

Традиционно в отечественной историографии образцом правоверного коммуниста 30-х гг. считается французский писатель Анри Барбюс. Однако современники отмечали, что «он чувствовал себя достаточно крепким, чтобы действовать по своему усмотрению: говорить одно, а делать другое» [Caute, 1967, p. 121]. Об ортодоксальности Барбюса, его приверженности сталинизму есть множество свидетельств, вместе с тем он сдержанно позволяет себе проявить личную позицию, независимую от линии партии. Этот тезис подтверждают два основных момента: 1) искания в обла-

сти литературного творчества; 2) ситуация вокруг созданного Барбюсом еженедельника «Монд».

Главной целью интеллектуалов в области творчества, как ее неоднократно обозначал Барбюс (см., например, «Манифест к интеллектуалам», 1927), является создание народного искусства. Обратимся к творчеству самого Барбюса. В этот период создаются его «Иисус» и «Иисусовы Иуды» – книги, проникнутые мистицизмом, не имеющие ничего общего с проповедуемыми им принципами народного искусства. Это бросалось в глаза собеседникам; по словам проживавшего в Москве Л.Фишера, «Анри Барбюс... говорил со мной, главным образом, об Иисусе Христе» [цит. по: Saute, 1967, p. 121]. Глубокое расхождение между представлениями писателя о революции и революционными принципами советского руководства ставило непреодолимые пределы его возможностям влиять на читательские массы. Его роман «Иисус», развивавший идею Христа как первого в истории революционера, поначалу даже собирались опубликовать в СССР. Но, как отмечает в своем дневнике 17 марта 1927 г. П.Паскаль, это было бы возможно только вкупе с авторитетным предисловием, способным примирить концепцию автора с официальной точкой зрения на то, что Христа никогда не существовало. Охотников писать такое предисловие не нашлось, отказался сам А.В. Луначарский, и судьба русского издания «Иисуса» и «Иисусовых Иуд» оказалась предрешена [Pascal, 1927, p. 77, 199]. Даже не будучи опубликованы на русском, эти книги Барбюса вызвали ажиотаж в Москве. В том же году 6 октября Паскаль делает запись в дневнике о конной милиции, расчищающей подступы к Экспериментальному Театру, где проходили дебаты Луначарского и Введенского о личности Христа в связи с произведениями Барбюса [Pascal, 1927, p. 220].

В Париже 5 мая 1928 г. выходит первый номер еженедельника «Монд», основанного Барбюсом. Показательно, что на страницах «Монд» печатаются, помимо социалистов и социал-демократов еще и бывшие коммунисты, например, Марсель Мартине и Магдалена Паз-Маркс, А.Таска, И. Силоне. Единственным редактором–коммунистом «Монд» был сам Барбюс. Идеей Барбюса было объединить в «Монд» широкие левые силы, по словам Д. Кота, «давая в своей газете слово всем так называемым левым точкам зрения и покровительствуя самым еретическим ересям» [Pascal, 1927, p. 122]. Идея сотрудничества, высказанная Барбюсом, очевидно, не соответствовала линии Коминтерна в 1928 г., отвергшего единство с другими левыми силами. Таким образом, являясь, казалось бы, правоверным коммунистом, Барбюс в своем еженедельнике проводит политику, расходящуюся с тогдашней линией Коминтерна.

Нежелание ограничиваться публикацией на страницах «Монд» только коммунистических авторов обострило отношения между Барбюсом и МБРЛ (Международным бюро революционной литературы) к концу 1929 г. Против Барбюса выступили член руководства бюро Б.Ясенский, национальные писательские организации (в частности, Союз рабочих пролетарских писателей Германии). Для рассмотрения дела «Монд» была создана специальная комиссия, куда входили представители Коминтерна и французской компартии. Упорство Барбюса и его отказ от встреч с ответственными представителями Коминтерна и ФКП вызывали крайнее недовольство этих организаций. Коминтерн и ФКП видели решение возникшей проблемы определено: «Во всех случаях надо бы немедленно ликвидировать наконец это дело, которое не может продолжаться таким образом. Самым простым решением явился бы публичный разрыв с «Монд» и его активное разоблачение в нашей прессе. Но это было бы пассивное решение, а мы, кажется, имеем еще возможность очистить «Монд» и с помощью более гибкой тактики прийти к тому, чтобы сделать из него подчиненный орган, активно работающий под нашим контролем» [Диалог писателей, 2002, с. 59]. Секретариат МБРЛ обращался к Барбюсу с требованием определить свою позицию, жестко обозначив вопрос: с пролетариатом вы или с врагами революции? При этом обрушивал на него обвинения в пособничестве врагам СССР: «В период обострившейся борьбы Вы, товарищ Барбюс, редактируете и подписываете журнал, посредством которого распространяете среди масс, питающих доверие к Вам, оппортунистическую доктрину клеветников и врагов СССР. Этот журнал, у которого нет пролетарской линии, сеет в массах идеологическую путаницу, чрезвычайно вредную в настоящее время» [Диалог писателей, 2002, с. 60–61]. Оправдывая свою позицию, Барбюс обращался в секретариат МБРЛ: «Дорогие товарищи, я прошу вас считать меня истинным коммунистом, уважающим, кроме того, чувство единства, дисциплины, и который не раз активно полемизировал со всякими оппозиционными фракциями, возражая против всякой публичной критики, с которой некоторые сбитые с толку товарищи выступают против руководителей Интернационала или его национальных секций» [Диалог писателей, 2002, с. 65]. Под нажимом компартии к 1932 г. Барбюс отказался от сотрудни-

чества с неугодными коммунистам писателями.

Таким образом, вполне правомерен вывод об особой позиции Барбюса в рядах ортодоксальных коммунистов, позволявшей ему отстаивать иной раз идеи, идущие вразрез с официальной точкой зрения Коммунистического Интернационала и ФКП. Барбюс, один из старейших членов ФКП, зарекомендовал себя не только как коммунист, но и как известный общественный деятель и крупный писатель. Он небезуспешно пытался реализовать присущее интеллектуалам стремление к независимости мышления, выстроить редкостную линию поведения творческого сталиниста.

Из всех интеллектуалов, потянувшихся в конце 20-х – середине 30-х гг. к коммунизму самой закономерной была траектория сюрреалистов. Недолгая игра в коммунизм наглядно обозначила разницу в представлениях о революции и политической свободе западных интеллектуалов и советских руководителей. Поворот французских сюрреалистов к политике, в частности к ее коммунистическому воплощению, следует отнести к 1925 г. В этом году главные тексты марксизма начинают обсуждаться в сюрреалистических кругах и на страницах «Сюрреалистической революции». Происходит сближение с коммунистической программой, но дистанция все же сохраняется, и прежде всего из-за опасности ограничения свободы партийной дисциплиной. По словам Андре Бретона, «среди нас нет никого, кто не желал бы перехода власти из рук буржуазии в руки пролетариата. Тем не менее, пока что, по нашему мнению, не менее необходимо, чтобы эксперименты с внутренней жизнью продолжались и, разумеется, без какого-либо внешнего, даже марксистского, контроля» [цит по: Пикон, 1995, с. 79]. Долгий, не без колебаний, путь к коммунизму привел в 1927 г. Арагона, Бретона, Элюара, Пере и Юника к вступлению в компартию. Пребывание группы Бретона в ее рядах было кратковременным, и «опыт оказался несчастливым» [Caute, 1967, p. 115].

Переход на коммунистические позиции повлек за собой изменение не только содержания, но и названия журнала сюрреалистов, который с 1930 г. именуется «Сюрреализм на службе революции». Перемена названия симптоматична – от сюрреалистов ждали выполнения работы по заданию компартии, а никак не диковинных творческих экспериментов. Нестыковка была очевидна: сюрреалисты не были расположены заниматься журналистской работой, которую им предлагала партия. Например, Бретон отказался составлять доклад о состоянии нефтяной промышленности Италии по предложению ФКП [Caute, 1967, p. 115]. Недоверие со стороны партии, проявлявшееся в отношении художественного творчества сюрреалистов, также отдаляли группу Бретона от коммунистов. Направленность на исследование внутреннего мира человека методом проникновения в бессознательное вызывала непонимание со стороны коммунистов, смелые художественные эксперименты порождали вопрос: что это выражает? [Пикон, 1995, с. 80]. По сведениям Д. Кота, «Бретона пять раз вызывали в контрольную комиссию партии и требовали объяснить, для чего ему надо до сих пор называть себя сюрреалистом, несмотря на то, что он стал коммунистом» [Caute, 1967, p. 115]. Арагон и Элюар ощущали то же самое давление, однако в отличие от Бретона рассматривали его как совершенно объяснимую и естественную неспособность коммунистических лидеров понять суть сюрреалистического метода. Разрыв был не за горами, но сохранялось еще довольно непрочное основание для единства: необходимость борьбы с капиталистическим обществом и разрушение буржуазного сознания. Как «Сюрреалистическая революция», так и «Сюрреализм на службе революции» публикует множество текстов, направленных против религии, буржуазной морали, культа родины. Эти точки соприкосновения свидетельствуют не о связи с собственно коммунистическими убеждениями, а о достаточно широких левых взглядах сюрреалистов. Все акции сюрреалистов «хотя и носят политический оттенок, абсолютно не подчиняются приоритетам какой-либо программы или реалистичного действия» [Пикон, 1995, с. 81].

К 1932 г., когда выбор – коммунизм или сюрреализм – стал необходимостью, в рядах сюрреалистов назрел раскол: Луи Арагон, Жорж Садуль и Пьер Юник окончательно порвали с сюрреализмом, обозначив свое единство с партией. С этого времени Арагон становится едва ли не самым последовательным и ортодоксальным из французских коммунистов.

После исключения сюрреалисты из группы Бретона продолжали заявлять о своей приверженности пролетариату, диалектическому материализму и мировой революции. Объектами их критики стали партийная нетерпимость к инакомыслящим, дисциплина в ущерб свободе духа, атака на социалистический реализм в художественной культуре СССР, культ Сталина. В сюрреалистическом памфлете «О времени, когда сюрреалисты были правы» (1935) Андре Бретон, помимо критики политической программы, в частности франко-советского пакта, представляет идею о необхо-

димости сохранить любой ценой независимость суждения в ходе строительства коммунистического общества. По его мнению, нельзя безоговорочно принимать и априори одобрять какие бы то ни было идеи и лозунги Коминтерна, ибо долг революционных интеллектуалов обязывает их понимать революцию как свободное творчество и требует критического осмысления. Бретон и его товарищи ссылались на Маркса и Ленина при рассмотрении революции как свободно развивающегося творчества. В памфлете сюрреалисты подчеркивали: «Мы считаем, что свободное высказывание всех точек зрения, постоянное столкновение всех направлений составляют необходимейший фермент революционной борьбы» [Breton, 1935, p.109]. Что же касается сложившейся ситуации, то сюрреалисты протестовали против монополии компартии и Коминтерна на интеллектуальное революционное творчество и стремились противостоять этому, сохраняя независимость и критичность мышления. Описывая удушение свободы в рядах партии и Коминтерна, сюрреалисты поясняли: «Вот до чего мы дошли, вот она интеллектуальная свобода, которая нам осталась. Всякий мыслящий революционно человек имеет сегодня перед собой мысль, которая ему не принадлежит» [Breton, 1935, p.107].

Проблема свободы и революции неизбежно связана с практическим воплощением их в СССР. Не подвергая сомнению революцию как необходимый и самый действенный способ борьбы с буржуазным сознанием, сюрреалисты задавались вопросом об итогах революции в сталинском СССР. По мнению Бретона, «нет вопроса об отречении от того, чем была, и от того, что совершила Русская революция, вопрос состоит в том, чтобы понять, жива ли она еще, как она себя чувствует» [Breton, 1935, p.115]. Ответ на этот вопрос они давали неутешительный, у них, как у людей творческих, особенно вызывала неприятие интеллектуальная культура в СССР. Фраза «Ветер кретинизации дует из СССР» [Breton, 1935, p. 114], сказанная Алкине по поводу советского фильма «Путевка в жизнь», нашла свое продолжение в размышлениях о советской культуре в статье «О времени, когда сюрреалисты были правы» (1935). Вывод из сложившейся в СССР ситуации сюрреалисты делают однозначный: «Нынешний режим Советской России и его всемогущий вождь, при котором режим поворачивает к отрицанию того, чем он должен был быть, и того, чем он был. Этому режиму и этому вождю мы можем выразить только наше формальное недоверие» [Breton, 1935, p. 118].

Следующий пример связан с именами П.Паскаля, В.Сержа, А.Гильбо, Б.Суварина – интеллектуалами, оказавшимися в Советской России еще в годы революции и Гражданской войны и тогда вступившими в коммунистическую партию. Проявление их независимой позиции связано с критикой сталинской системы слева. С середины 1920-х гг. они все более утверждают в мысли, что революция стала «пленницей партии», а советский режим отныне представляет собой новый буржуазный порядок с теми же привилегиями и новой партийной элитой. Серж писал: «Партия дремала. На собраниях присутствовала сплошь равнодушная публика. После чистки университетов молодежь замкнулась в себе» [Серж, 2001, с. 254]. Он описывал самоубийства революционеров, осознавших, что революция оказалась в тупике, отсутствие живой мысли и слова на партийных собраниях. Духовная и мыслительная пустота русской компартии влекла за собой и «деградацию» Коминтерна. Анри Гильбо в книге «Конец Советов» отмечал, что «СССР потерял свой авторитет, и к нему цепляются отсталые демократы, профессиональные парламентарии, интеллектуалы – демагоги и рвачи, деклассированные рабочие, эгоисты, бюрократы, которые руководят рабочими партиями и профсоюзами. Советская система, как II и III Интернационал, обанкротилась». [Guilbeaux, 1937, p. 181]. Французские интеллектуалы вскрывают механизм удушения свободы в партии: пролетариат отстранен от власти, которая переходит в руки партийных бюрократов, полностью зависящих от воли вождя. В работе «От Ленина к Сталину» Серж, характеризуя ситуацию в Коминтерне в 1927 г., отмечал становление культа личности Сталина: «С того времени правящая бюрократия, в сущности, отстраняет рабочих от власти в СССР; от диктатуры пролетариата остается только вывеска. Революционеры уступают место на руководящих постах партийным функционерам. Политика больше не определяется общим – и, как следствие, интернациональным – интересом тружеников, но "историческими шагами" функционеров, идолом которых становится Сталин» [Serge, 1937, p. 30]. Французские интеллектуалы указывают на манипуляцию общественным сознанием с помощью советской прессы, возвеличивающей «гениального вождя». А.Гильбо в своей книге писал о Советах, «которыми руководит самый жестокий из царей, Иосиф Сталин [Guilbeaux, 1937, p. 182].

Одной из главных причин вырождения революции в представлениях французских левых ин-

теллектуалов является чрезмерное применение насильственных методов. Деградации же советского строя, полагали они, способствовало прежде всего создание и деятельность ЧК. Карающий меч в руках партии стал, по их мнению, орудием, обернувшимся против самих революционеров 1917 года.

Стремление к независимости суждений и критики методов советского руководства сделали этих интеллектуалов опасными для коммунистической партии. В 1924 г. за поддержку левой оппозиции в РКП (б) и публикации оппозиционных работ Троцкого во Франции из нее был исключен Б.Суварин. В 1928 г. за принадлежность к левой оппозиции и после критических статей о сталинской политике в китайской революции был исключен из партии и арестован В.Серж, повторно он был арестован в 1933 г. и выслан в Оренбург. Отход от советского коммунизма Пьера Паскаля [Бабинцев, 2009, с. 208–220] был скорее внутренним, чем демонстративным. В 1925 г. Паскаль уходит из отдела печати Коминтерна и становится сотрудником Института Маркса – Энгельса, где занимается исключительно научной деятельностью. Паскаль обращается к глубинной России, изучает русскую историю и литературу, и только глубокая вера в силу русского народа определяет то, что до 1933 г. он остается в СССР.

Таким образом, политика целенаправленного воздействия на представления и позиции французских левых интеллектуалов имела результаты. Вместе с тем многие из них увидели истинную природу Советского государства. Именно представления об СССР развели впоследствии французских левых интеллектуалов. Часть их выступила как антитоталитарные левые, часть – как «тоталитарные интеллектуалы». Однако, на наш взгляд, следует отметить количественное и качественное преобладание типа критического, неангажированного левого интеллектуала над типом «тоталитарного» во Франции 20–30-х гг. XX в.

Примечания

¹ Статья выполнена в рамках гранта РГНФ № 13-23-08002 «Трансформации в литературных полях СССР и Франции: циркуляция левой идеи в период с середины 1920-х до середины 1950-х годов».

Библиографический список

- Айелло М.* Очарованные странники // За рубежом. 1994. № 4. С. 22–23.
- Бабинцев В.А.* Пьер Паскаль: левая траектория французского консерватизма// Франц. ежегодник 2009. М., 2009. С. 208–220.
- Балашиова Т.В.* Трудный диалог // Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920–1970. М., 2002. С. 5–26.
- Берберова Н.* Железная женщина. М., 1991.
- Голиченко Т.* Интеллектуалы в фокусе современных французских социологических, политологических и исторических исследований // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 2. С. 42–63.
- Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920–1970. М., 2002.*
- Жид А.* Подземелья Ватикана. Фальшивомонетчики. Возвращение из СССР. М., 1990.
- Зенкин С.* Жития великих еретиков (фигуры инога в литературной биографии) // Ин. лит. 2000. № 4. С. 123–139.
- Куликова Г. Б.* СССР 1920-1930-х годов глазами западных интеллектуалов // Отеч. история. 2001. № 1. С. 4–23.
- Левые в Европе в XX веке. Люди и идеи.* М., 2002.
- Моррас Ш.* Будущее интеллигенции. М., 2003.
- Пикон Г.* Сюрреализм 1919-1939. Париж, 1995.
- Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.541. Оп 1. Д. 27.
- Серж В.* От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. М.; Оренбург, 2001.
- Фюре Ф.* Прошлое одной иллюзии. М., 1998.
- Breton A.* Position politique du surrealisme. Paris, 1935.
- Caute D.* Le communisme et les intellectuels français 1914-1966. Paris, 1967.
- Guilbeaux H.* La fin des Soviets. P.: Société Française d'Éditions littéraires et techniques, 1937. 187 p.
- Pascal P.* Russie 1927. Mon journal de Russie. Lausanne, 1927. Т.4.
- Serge V.* De Lenine a Staline // Crapouillot, numéro special/ 1937 janvier.

Дата поступления рукописи в редакцию 08.06.2013

FRENCH LEFT INTELLECTUALS AND THE SOVIET UNION: MECHANISMS OF INTERACTION AND LITERARY CONTACTS IN THE 1920s AND MID-1930s

T.V. Kraeva

Institute of Humanities and Arts, Ural Federal University, Turgenev ave., 4, 620002, Yekaterinburg, Russia
kraevativ@yandex.ru

In the 1920s – 1930s the communist idea was diffused among intellectuals all over the world, including France, and famous cultural figures often visited the Soviet Union. Romain Rolland, Henri Barbusse, André Gide, Luc Dyrten, André Malraux and others were among them. The leaders of the French Communist Party and the Soviet Government considered the support of French intellectuals to be very important for the positive image of the Soviet Union in the West. The Soviet leaders applied purposeful policy of influence on French intellectuals. The methods of their influence were simple, but quite effective: warm reception, popularity of visiting authors' works and effective program of visits. There were also the efforts of authors' unification on political basis. Still, in spite of all the efforts to create a positive image, French intellectuals noticed certain deformation of the state system and prohibition of creative freedom in the USSR. Positive attitude to the Soviet Union did not exclude independence of mind. The article analyses three examples of such an independence: Barbusse's activity which is a striking example of the so-called "creative Stalinist" position; the political direction of the Surrealists led by Breton who broke off relations with the Communists and the USSR in 1932 and the activity of the French "fellow travelers" (Serge, Pascal, Gilbo). Different views on the Soviet regime later led to separation of French intellectuals when some of them acted as «anti-totalitarian left» ones whereas the others were called «totalitarian intellectuals».

Key words: Russian-French cultural links, system of ideas, French left intellectuals, the USSR in the 1920s – 1930s, the Surrealists, Henri Barbusse, Andre Gide.

References

- Ayello M.* Ocharovannyye stranniki // *Za rubezhom.* 1994. № 4. S. 22–23.
Babintsev V.A. P'er Paskal': levaya traektoriya frantsuzskogo konservatizma// *Frants. ezhegodnik* 2009. M., 2009. S. 208–220.
Balashova T.V. Trudnyy dialog // *Dialog pisateley. Iz istorii russko-frantsuzskikh kul'turnykh svyazey XX veka.* 1920–1970. M., 2002. S. 5–26.
Berberova N. Zheleznaya zhenshchina. M., 1991.
Golichenko T. Intellektualy v fokuse sovremennykh frantsuzskikh sotsiologicheskikh, politologicheskikh i istoricheskikh issledovaniy // *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing.* 2004. № 2. S. 42–63.
Dialog pisateley. Iz istorii russko-frantsuzskikh kul'turnykh svyazey XX veka. 1920–1970. M., 2002.
Zhid A. Podzemel'ya Vatikana. Fal'shivomonetchiki. Vozvrashchenie iz SSSR. M., 1990.
Zenkin S. Zhitiya velikikh eretikov (figury inogo v literaturnoy biografii) // *In. lit.* 2000. № 4. S. 123–139.
Kulikova G. B. SSSR 1920-1930-kh godov glazami zapadnykh intellektualov // *Otech. istoriya.* 2001. № 1. S. 4–23.
Levye v Evrope v XX veke. Lyudi i idei. M., 2002.
Morris Sh. Budushchee intelligentsii. M., 2003.
Pikon G. Syurrealizm 1919-1939. Parizh, 1995.
Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii. F.541. Op 1. D. 27.
Serzh V. Ot revolyutsii k totalitarizmu: Vospominaniya revolyutsionera. M.; Orenburg, 2001.
Fyure F. Proshloe odnoy illyuzii. M., 1998.
Breton A. Position politique du surrealisme. Paris, 1935.
Caute D. Le communisme et les intellectuels français 1914-1966. Paris, 1967.
Guilbeaux H. La fin des Soviets. P.: Société Française d'Éditions littéraires et techniques, 1937. 187 r.
Pascal P. Russie 1927. Mon journal de Russie. Lausanne, 1927. T.4.
Serge V. De Lenine a Staline // *Crapouillot, numéro special/* 1937 janvier.